

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН



ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 61
(1966)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Кучерены «О культуре доносительства в эпоху информационной революции», опубликованная в «Независимой газете», № 62, 29 марта 2021 г.

Вологда
апрель 2021

О культуре доносительства в эпоху информационной революции

Организаторами расправы за «инакодействие» в последнее время становятся не власти, а структуры гражданского общества

Русская душа во всем мире издавна и справедливо считается загадочной. И одна из главных ее загадок, на мой взгляд, заключается в презрительно-брезгливом отношении к доносам.

Владимир Иванович Даль характеризует донос как «объявление о каких-либо незаконных поступках другого». Как будто вполне безобидно. Но чем же тогда объяснить, что в русском языке трудно найти более оскорбительные прозвища, чем «доносчик» и родственные ему «ябеда», «фискал», «стукач», «сексот» и т.п.?

Любой язык отражает культуру и менталитет говорящего на нем народа. В испанском языке, например, как и в русском, есть немало презрительных слов, родственным термину «доносчик», – *delator*, *soplón*, *chivato* и др. Нетрудно догадаться, что у испанцев и латиноамериканцев эти субъекты не в почете.

А вот в английском языке таких уничижительных терминов почему-то нет. Есть *informer*, что можно перевести как «информатор». В последние годы появилось еще непере译имое словечко *whistleblower* – так называют граждан, информирующих власти и общественность о каких-либо предполагаемых преступлениях или неполадках в работе своих ведомств. Никакого негативного оттенка эти термины не имеют.

А в самом деле, что предосудительного может быть в том, чтобы, говоря словами Александра Галича, «известить, кого положено» в том случае, если нам вдруг стало известно о совершенном или замышляемом кем-то противоправном или безнравственном деянии? Но многие ли из нас реально сделают это? Не уверен.

В юности меня мучил вопрос: почему лицейский товарищ Александра Пушкина Константин Данзас, получив от поэта предложение стать секундантом на его дуэли с Дантесом, не известил об этом начальника Третьего отделения графа Бенкендорфа? Неужели ради спасения жизни великого поэта нельзя было пренебречь каким-то сословным предрассудком, согласно которому доносить недопустимо? Но подобная мысль человеку чести даже не могла прийти в голову. Притом что, согласно закону, за недонесение о готовящейся дуэли, а тем более за участие в ней грозило строжайшее наказание вплоть до смертной казни.

Можно вспомнить также разговор Федора Достоевского с издателем Алексеем Сувориным. Дело происходило вскоре после устроенного террористом Степаном Халтуриним ужасного взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года, унесшего множество жизней, и неудачного покушения Ипполита Млодецкого на одного из высших сановников государства – графа Михаила Лорис-Меликова 20 февраля того же года.

Достоевский говорил своему собеседнику: «Представьте себе, вы или я, мы стоим у магазина Дациаро и слышим, что нигилист говорит другому, что через 10 минут Зимний дворец будет взорван. Пошли бы их предупредить? Я сомневаюсь. А уж схватить этих нигилистов или указать на них полиции, да это и в голову не пришло бы».

И это произносит не какой-то революционный демократ или даже либерал, сочувствующий движению народолюбцев, а выстрадавший свои консервативные убеждения «охранитель», вхожий к тому же в царское семейство.

Рискну предположить, что, если бы люди того времени не стеснялись сигнализировать полиции о подозрительных приготовлениях, император Александр Второй, возможно, избежал бы трагической гибели в результате покушения. И история нашей страны была бы совсем другой.

Одаренный беллетрист и при этом человек сомнительной нравственности Фаддей Булгарин, которого Пушкин заклеил как «доносчика и предателя», писал: «Важнейшей защитой злоупотреблений было и есть распространение злоупотреблениями мнения, что доносить бесчестно! А разве присяга не обязывает нас к этому? Если не бесчестно поймать ночного вора и разбойника, то мне кажется, что даже почетно указать явно и громко на взяточника, похитителя казны или пройдоху, извлекающего свои выгоды из дел общественных».

Здесь, впрочем, есть важнейшее отличие: речь идет о гласном изобличении реальных, а не вымышленных злоупотреблений во имя всеобщей пользы, а не о тайном доносе ради личной выгоды или сведения счетов. А это далеко не одно и то же. Не случайно, наверное, поступок Эдварда Сноудена, сделавшего достоянием общественности программы массовой слежки американских спецслужб за собственными гражданами, встретил горячее сочувствие по всему миру. Никому не придет в голову назвать это доносом.

Так почему же мы презираем доносчиков? Можно попытаться, следуя логике режиссера Константина Богомолова, объяснить это сформировавшимся на протяжении многих веков в России «иммунитетом». Начиная с Соборного уложения 1649 года, российских подданных обязывают доносить об известных им государственных преступлениях или их подготовке, произнося печально знаменитые слова: «Слово и дело». Недонесение каралось смертной казнью, но и донос не спасал от пытки, а иногда и эшафота в том случае, если он не подтверждался. Недаром же родилась поговорка: «Доносчику – первый кнут».

Так продолжалось вплоть до упразднения Петром III зловещей Тайной канцелярии. В Манифесте императора от 16 февраля 1762 года говорилось: «Ненавидное выражение, а именно «слово и дело», не должно служить отныне значить ничего». Тех же, кто его произнесет, повелевалось задерживать как «бесчинников», то есть мелких хулиганов.

Это, конечно же, не привело к тому, что доносы тотчас же исчезли из российской жизни «по шучьему повелению – монаршему хотению». Знаменитый «историограф» Николай Карамзин едва не погубил не менее знаменитого реформатора Михаила Сперанского, представив императору Александру Первому «Записку о древней и новой России», которую можно рассматривать как своеобразный донос на Сперанского. Благо еще, что будущий граф Империи отделался ссылкой: мог бы и в крепость угодить.

Движение декабристов вызвало к жизни лавину доносов. Автор одного из них – офицер Иван Шервуд – получил от императора Николая Первого почетную приставку в своей фамилии Шервуд-Верный. Правда, сослуживцы почему-то именовали его «Шервуд-Скверный», а сам он, в конце концов, угодил в крепость, причем по иронии судьбы именно за ложный донос.

Важнейшей причиной неприятия доносительства в России являлось широко укоренившееся в обществе недоверие к властям как к таковым, и к правоохранительным органам – в частности, и вытекающим отсюда сочувствием к любым бунтарям против «системы». Чем еще можно объяснить прославление в искусстве и народном фольклоре предводителей «бессмысленных и беспощадных» народных бунтов – Степана Разина и Емельяна Пугачева?

Октябрьская революция «сломала хребет» Российскому государству и принесла с собой чудовищную новую этику: отныне нравственным считалось все, что, по субъективному мнению большевистских вождей, служило победе над «классовым врагом» и в конечном итоге – торжеству коммунизма. В 20–30-е годы XX века в партийных кругах официально было объявлено, что каждый большевик обязан быть чекистом и неустанно доносить. За этим последовала настоящая эпидемия доносительства, достигшая своего пика в эпоху Большого террора 1937–1938 годов и вновь распространившаяся после войны по случаю борьбы с «безродными космополитами», «антипатриотическими критиками», «вейсманистами-морганистами» и т.д. Со смертью Сталина эта эпидемия резко пошла на спад.

Но разве Запад в свое время не получил аналогичной прививки от доносительства? Еще какую! В период охоты на ведьм в Западной Европе, перекинувшейся впоследствии на Американский континент, доносительство получило широчайшее распространение;

благо доносчику, избличившему ведьму или колдуна, в некоторых случаях полагалась часть имущества казненного. В России, кстати, никогда не наблюдалось такого напора демонологической мысли и инквизиторской практики: случаи казни за колдовство носили единственный характер.

Подавляющее большинство из 300 тыс. «подозрительных», арестованных во Франции в годы якобинского террора 1793–1794 годов, стали жертвами анонимных доносов. Эпоха маккартизма в США вдохновила великое множество «доброхотов», желавших внести свой вклад в борьбу с коммунистической угрозой, впрочем, вполне реальной. Эти события ни у кого на современном Западе не вызывают восхищения: они однозначно осуждаются. Что не помешало наущничеству получить сегодня широчайшее распространение в странах свободного мира.

Сравнительно недавно на Западе получил распространение своеобразный вид публичного коллективного доносительства. В значительной степени он обусловлен стремительным распространением социальных сетей и созданием новой медийной среды, где отменяются всякая элитарность и иерархия: «прав» тот, кто имеет больше подписчиков или набрал больше лайков. И если человек не может прославиться собственными достижениями, у него появляется искушение сделать это, «разоблачая» тех, кто достиг успеха в жизни. Дилемма «Шариков – профессор Преображенский» воспроизводится в новых формах.

Пышным цветом расцвела «культура отмены», когда на основании какого-то эпизода в жизни знаменитого человека, будто бы свидетельствующего о его нетолерантном отношении к тем или иным расовым и сексуальным меньшинствам, запускается механизм истерической коллективной травли. Люди, ставшие жертвой этих «недель ненависти», становятся «нелицами», если использовать терминологию Джорджа Оруэлла; они не только лишаются всяких жизненных перспектив, но и их прошлые заслуги как бы отменяются. При этом нарушаются все основополагающие юридические принципы: презумпция невиновности, необходимость доказывания, а также положение, согласно которому ни один человек не может быть осужден за деяние, которое не считалось преступлением на момент его совершения. Скажем, в 60-е годы то поведение, которое сегодня подпадает под определение «сексуальные домогательства», считалось не просто нормой, а даже доблестью. И если бы, например, президент США Джон Кеннеди дожил до наших дней, он мог бы легко стать жертвой соответствующих обвинений. Да разве он один?

Примечательно, что «вдохновителями и организаторами» расправы за инакомыслие и «инакодействие» становятся сегодня не власти и их спецслужбы, как при

тоталитарных режимах, а сами структуры гражданского общества, которые и вершат суд, решая, кого следует «отменить» навсегда, а кого можно на первый раз просто принудить к слезному покаянию. Этот суд на манер военно-полевых трибуналов скор и беспощаден.

Характерна в этом плане печальная судьба, постигшая Андрея Илларионова. Некоторое время он служил советником президента Владимира Путина по экономике. Разойдясь во взглядах с правительством по экономическим вопросам, он оставил свой пост и стал предельно резко и, на мой взгляд, некорректно критиковать политику президента. Никто в России его за это не преследовал, напротив, его мнение охотно транслировали ведущие печатные СМИ и популярные радиостанции.

Затем он переехал в Вашингтон и стал научным сотрудником в Институте Катона, считающимся оплотом либертарианства. Вероятно, бывший советник полагал, что в «самой великой демократии в мире» ему будет позволено говорить и писать все, что вздумается. И в один отнюдь не прекрасный момент он написал, что так называемый штурм Капитолия был провокацией, организованной противниками Трампа.

Один из коллег Илларионова немедленно наступал на него, и он был тут же уволен. Не станем злорадоваться по этому поводу. Но, может быть, данное происшествие позволит ему более беспристрастно и многомерно взглянуть на американскую демократию, которую многие отечественные либералы представляют едва ли не в качестве образца для России.

Организаторы новых «ведовских процессов» не брезгуют ни провокациями, ни откровенной фальсификацией. Так, 15-летняя американка Мими Гроувс на какой-то дружеской вечеринке в шутку произнесла запретное слово, означающее темнокожего, после чего разослала ролик своим друзьям. Один из них – некий Джимми Галлиган – выжидал четыре года, и после того, как девушка поступила в Университет Теннесси, наката на нее донос. Девушку отчислили. Ведущая американская газета New York Times, считающаяся либеральной, пишет об этом подлом поступке с горячим одобрением, называя случившееся с девушкой расплатой. Сам доносчик тоже гордится собой.

Поражает несоразмерность «преступления» и наказания. На одной чаше весов – неосторожно произнесенное слово. На другой – сломанная жизнь. Все это чем-то напоминает тоталитарные порядки в первых английских колониях на Американском континенте с их удручающим однообразием в образе жизни,

свирепой нетерпимостью к инакомыслию и процветанием доносительства.

Впрочем, доносы властям в США тоже никто не отменял. После событий 6 января в социальных сетях развернулась настоящая «охота на ведьм»: пользователи идентифицировали участников штурма Капитолия и стучали на них. Иные доходили до того, что делали доносы на собственных родственников. Так, 18-летняя Хелена Дьюк заложила собственных мать, тетю и дядю. Теперь этого «Павлика Морозова» в девичьем облике выставляют в роли национальной героини: на одном из интернет-ресурсов организован сбор средств для нее, дабы она могла окончить колледж.

«Дураки обожают собираться в стаю», – пел Булат Окуджава задолго до появления социальных сетей. Немалое количество не очень умных, начисто лишенных чувства юмора и обиженных жизнью людей с неистовством голодных шакалов рыскают по соцсетям в поисках очередной жертвы. Все это приводит к невероятному обеднению культуры, вымыванию всего оригинального, нестандартного, дерзкого, того, что всегда отличало творческий процесс. Представьте, например, что Джек Лондон, Марк Твен, Эрнест Хемингуэй, Айн Рэнд, Джером Сэлинджер жили бы в наши дни. Да они не смогли бы напечатать ни одного своего произведения! А если бы вдруг кому-то из них это все же удалось, этот автор был бы немедленно «отменен» и застрелен!

Президент США Джозеф Байден с первых дней своего пребывания в Белом доме пообещал преодолеть поляризацию американского общества и объединить Америку. Трудно, однако, представить, что эти обещания претворятся в жизнь, если в стране и дальше будет бушевать эпидемия доносительства.

Доносить – постыдно: эту аксиому мы усвоили с детства. Но все же... Трудно даже представить, сколько преступлений можно было бы предотвратить, если бы граждане, которым стало известно об их приготовлении, сообщали об этом в правоохранительные органы. Взять даже такую модную сейчас тему, как бытовое насилие. Ведь вершится оно зачастую не за семью засовами, а буквально на глазах у соседей. Которые все видят. И молчат.

Мне кажется, дилемма «доносить – не доносить» не имеет однозначного разрешения. Каждый случай уникален и неповторим. Единственное, что здесь можно посоветовать, – прислушиваться к голосу собственной совести.

Анатолий Кучерена